

ТЕКНОНИМИЯ В СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН СЕВЕРНЫХ АТАПАСКОВ

Статья посвящена широко распространенной среди северных на-дене антропонимической традиции текнонимии (переназание супругов после рождения ребенка по его имени). Внимание сфокусировано на северных атапасках, также привлечены данные по соседним народам. Анализ материалов показывает несостоятельность предложенной в конце XIX в. Э. Тайлором интерпретации функций текнонимии. В исследовании текнонимия рассматривается как составляющая часть целостной традиционной антропонимической системы атапасков, что дает возможность анализа и обнаружения скрывающихся за ней социальных стратегий и смыслов. Будучи взаимосвязанной с табуированием личных имен и комплексом воззрений о реинкарнации, текнонимическая подсистема в прошлом занимала доминирующее положение в антропонимике большинства северных атапасков. В настоящее время традиция продолжает бытовать среди некоторых групп в редуцированной в той или иной степени форме. На основе собранных материалов выделены границы крупнейшего в Америке непрерывного ареала распространения текнонимии, включающего не менее двух десятков этнолингвистических групп. Как особый случай рассматриваются псевдотекнонимы — имена, выстроенные по тому же принципу, однако не отражающие реальные родственные связи носителя имени. Продемонстрированы две морфемные модели образования текнонимов. В качестве рабочей гипотезы высказано предположение, что текноним у атапасков был в первую очередь декларативным маркером брака, обозначавшим особый родительский статус, и являлся единственной демонстративно выраженной брачной традицией. Установлена взаимосвязь текнонимии с системой социально-возрастных страт, а также выявлена разница в функционировании текнонимов в двух культурных кластерах внутри североатапаскского этнического массива.

В некоторых моментах в ходе исследования были обнаружены близкие параллели между текнонимией у северных атапасков и у некоторых народов Старого Света, что расценивается автором как конвергентное сходство.

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропонимия, личные имена, системы родства, реинкарнация, неотеронимия, герайтеронимия, текнонимия, псевдотекнонимия, атапаски, на-дене.

Историография и актуальность проблемы

Текнонимия — антропонимическая традиция, распространенная среди различных этнических групп в разных частях света. Представляя собой крайний случай неотеронимии¹ (именование по младшим родственникам), текнонимия ориентирована на потомков, а не на предков, как в случае герайтеронимии (именование по старшим родственникам). В текнонимической системе родственные связи устанавливаются через лиц нисходящих, а не восходящих поколений, а точкой отсчета родства являются молодые члены сообщества.

Термин был введен в научный оборот в конце XIX в. Эдвардом Тайлором [Tylor, 1889], представителем стадиалистского направления эволюционизма. Тайлор, обнаруживший текнонимии в матрилинейных (далее — МЛн) сообществах, рассматривал ее как акт признания мужа родом жены посредством установления родства через ребенка, т. е. видел смысл в том, что чужеродец, будучи признанным отцом ребенка, получает статус «отца члена семьи жены». В подобной интерпретации, вполне логичной на первый взгляд, вскоре были выявлены слабые стороны. Как отмечает Э. Эванс-Притчард, ценность выводов Тайлора существенно снижается из-за недостатка научной строгости исследования [Эванс-Притчард, 2003, 115]. Так, Тайлор, обращаясь к материалам по МЛн обществам, учел лишь отцовскую текнонимии и совершенно пренебрег материнской. Если учитывать тот факт, что в МЛн обществах материнская текнонимия сосуществует наравне с отцовской, построения Тайлора выглядят не просто уязвимыми, а рушатся в основе, ведь мать ребенка априори принадлежит к своему линиджу, а факт материнства доказательств не требует. Соответственно, социальные смыслы текнонимии являются или, по крайней мере, могут быть иными, нежели предполагал Тайлор. В последнее время текнонимия считается культурной парадигмой, заключающей в себе различные функции, смыслы и стратегии в разных сообществах — в зависимости от того социального контекста, в который она интегрирована [Бромберже, 2012, 137].

В мире текнонимия представлена неравномерно. Локальные ареалы этой традиции обнаруживаются в Сибири (ненцы, орочи, нивхи и др.), Амазонии, Южной Африке, Юго-Восточной Азии. Кроме того, выделяется несколько крупных ареалов. Это Индонезийско-Малайский регион (ниасцы, ментаваи,

---

¹ Термин заимствован из работы Г. В. Дзибеля «Феномен родства» [Дзибель, 2001, 164]. От греч. *neuterōs* (νεώτερος) 'младший'.

тао, балийцы, андамандцы) и Арабско-Африканский регион, куда входят арабские (хабеша и мн. др.), бенуэ-конголезские (йоруба) и чадские (хауса) народы, фульбе, эве. Тайлор отмечал неотеронимию (в том числе и текнонимию) у 34 этносов. В. Г. Дзибель в фундаментальном труде «Феномен родства» насчитывает 72 этноса, в числе которых только восемь североамериканских народов, при этом, отмечает он, «глобальная дистрибуция неотеронимии показывает, что этот обычай тяготеет преимущественно к восточному полушарию (от Сибири до Индонезии), а в Америке, Африке, Европе и Австралии отмечается спорадически. В Америке <...> текнонимия если и представлена, то чаще в своем раннем варианте, а именно как неотеронимия», т. е. в виде именованья родителей супругов и других родственников по имени внуков / племянников, причем это не сопряжено с родительской текнонимией (шошоны, вашо, хопи) [Дзибель, 2001, 164, 383, 347].

Располагая материалами по северным атапаскам, которые будут приведены ниже, я вынужден отметить очевидную погрешность в монографии Дзибеля, безусловно, вызванную упущением данных ввиду недостатка материалов на момент ее написания. Из ареала распространения текнонимии, обозначенного в этом труде, полностью выпадает огромный массив северных на-дене, у которых текнонимия представлена крайней ее формой. Этот неразрывный ареал распространения текнонимии, занимающий пятую часть Северо-Американского континента и включающий не менее двух десятков этнолингвистических групп, похоже, до сих пор не попадал в фокус исследования российских специалистов в области антропологии родства. Это неудивительно. Как отмечает современный канадский антрополог П. Мур, система личных имен (далее — СЛИ) атапасков исследована значительно хуже, чем соседних аборигенных народов, таких как эско-алеуты и тлинкиты [Moore, 2007, 284]. В отечественной историографии текнонимия у индейцев Северо-Западного побережья была рассмотрена А. В. Гриневым, который вскользь упоминает эту традицию и у субарктических атапасков, указывая на сходство систем текнонимов у тлинкитов и слэйви. У соседствующих с на-дене хайда и цимшиан система неотеронимии была развита в еще большей степени, распространяясь на два поколения по восходящей линии [Гринев, 1990, 136].

В этой статье объединены разрозненные сведения о текнонимии у северных атапасков, содержащиеся в доступных автору исследованиях, исторических и фольклорных источниках, и предпринята попытка анализа этого феномена. В свете вышесказанного не будет преувеличением сказать, что материал этот актуален, а для отечественной науки к тому же и нов.

Ареал текнонимии в пределах североатапаскского этнического массива

Северные атапаски населяют таежную зону западной части Канады и центральных районов Аляски. Выделяется два кластера с ощутимой дистанцией

во многих сферах культуры: восточный (атапаски Арктического бассейна) и западный (атапаски Тихоокеанского бассейна). В контексте данной статьи следует отметить, что для восточного кластера характерен билатеральный (далее — БЛ) счет родства с МЛн доминантой, в то время как в западном явно преобладает МЛн². При этом текнонимия (как отцовская, так и материнская) отчетливо прослеживается и широко представлена в обоих кластерах, т. е. североатапаскский материал не показывает корреляции этой традиции с системами счета родства (см. табл. 1). В обоих кластерах преобладает матрилокальный (далее — МЛк) тип брачного поселения, реже — как частный случай, встречающийся наряду с МЛк, — отмечается билокальный (далее — БЛк) (биверы, каска, кэрберы, танайна) либо авункуляторный (талтаны, тутчоны). Неолокальный (далее — НЛк), а конкретнее пост-МЛк, брак более характерен для восточного кластера, представленного легко разделяющимися гипермобильными группами пеших кочевников. Ярким исключением из этой общей тенденции к матриорганизации являются сарси, дистанцировавшиеся от родственных биверов в XVIII в. и сменившие адаптивный комплекс с таежного на степной. В культуре сарси преобладают элементы, заимствованные от индейцев Великих равнин. В частности, для них характерен патрилокальный (далее — ПЛк) брак. Э. Сепир обнаружил, что СЛИ сарси аналогична таковой у черноногих и на атапаскские не похожа [Sapir, 1924]. Текнонимии у сарси не выявлено. Другой пример явного отсутствия текнонимии среди северных атапасков — ингалики и коюконы, имевшие тесные культурные связи с эскимосами. В. Долл отмечал, что в отличие от кучинов у этих народов нет традиции наречения родителей по имени ребенка [Dall, 1898, 202].

Эти локальные примеры, наблюдаемые на периферии североатапаскского этнического массива, у групп, имевших множество заимствований от инокультурных народов, демонстрируют, что текнонимия является традицией, характерной и исконной для атапасков (и для северных на-дене в целом). Однако даже в узких экстраполяциях на группы, для которых нет прямых свидетельств о текнонимии, есть риск допустить ошибку. Так, например, у танана, проживающих в окружении родственных и культурно близких групп, для которых имеются бесспорные свидетельства текнонимии, никаких признаков этой традиции не было выявлено,

---

² Если исконность МЛн атапасков западного кластера никогда не вызывала сомнений среди исследователей, то вопрос о системах родства восточного кластера долгое время являлся предметом дискуссий. На завершительном этапе колониального периода эти группы были БЛ, однако исконность этой системы вызывала некоторые сомнения. Не нашедшая абсолютно никаких подтверждений гипотеза об изначальной ПЛн этих групп сменилась версией об их исконной БЛ, базирующейся на тезисе, что данная система является стратегически наиболее выгодной при выработанной у этих групп стратегии экологической адаптации [Helm, 1965]. Однако вскоре и она была подвергнута сомнению, и на смену пришла гипотеза, основанная на данных, почерпнутых из самых ранних исторических источников, согласно которой исконной основой социальной организации всех атапасков являлась матриорганизация (МЛн + МЛк), а переход к БЛ на востоке был вызван культурным сдвигом в постконтактный период [Bishop, Krech, 1980; Perry, 1989].

на что специально указывает Р. Макеннан, проводивший среди них исследования в середине XX в. [Mackennan, 1959, 142]. Но надо отметить, что в языках танана, коюконов и ингаликов термины родства могут существовать в форме морфем, в составе лексемы обозначающих реляционные связи. В других атапаскских языках термины родства аналогичным способом образуют реляционный предикат в текнонимах (тектонимичный компонент в имени). На основании этого, а также некоторых других выявленных данных можно предположить, что у атапасков центральных районов Аляски тектонимия некогда существовала, но была утрачена. Некоторые сомнения остаются относительно распространения этой традиции у чилкотинцев, весьма неопределенно обозначенной в рассмотренных источниках. Не найдена тектонимия у южных атапасков (апачи, навахо), мигрировавших в период X–XV вв. н. э. на юго-запад современных США и в историческое время имевших уже мало общих культурных черт с предковым стволом.

Распространение тектонимии в Северной Америке:

○, ● — семья на-дене	○, ◇ — тектонимия выявлена в традиции
◇ — прочие группы	● — окказиональное использование тектонимов
	● — тектонимии не выявлено
	◇ — прочие формы неотеронимии (по Г. В. Дзигелю)

Таблица 1

Распространение текнонимов разных типов среди северных атапасков

Этнические группы	Система счета родства	Текнонимия отцовская / материнская	Псевдо-текнонимы	Псевдо-текнонимы, производные от кинонимов	Термин родства (отцовство / материнство), в составе имени являющийся реляционным предикагом
Тихоокеанский бассейн					
кэрьеры	МЛн, БЛ в субдоминанте	+ / +	+ *	+ *	-ba / -lu [Poser, 1999, 5]
чилкопины	БЛ	+ / °	°	°	°
цецоты	МЛн	+ / +	°	°	-ta' / -na'
талтаны	МЛн	+ / +	+	°	-te-uh / ° [Boas, 1924, 7]
каска	МЛн	+ / +	+	°	-ta / -ma, -ta-a / ° [Boas, Goddard, 1924, 7]
тагиши	МЛн	+ / +	+	°	-tah' / -ah-ma' [Boas, Goddard, 1924, 7, 10]
тутчоны	МЛн	+ / +	+	°	°
хан	МЛн	° / °	°	°	-wìchà / -wìwìqq [Ritter, 1978, 54]
кучины	МЛн	+ / +	°	+	-tee / -behan, -viti' / -vahan [Peter, 1979, 52, 84]
танана	МЛн	- / -	°	°	-to' / -onh [Kari, 1994, 402, 439] -beto / -bon [Krauss, 1974, 25]
атна	МЛн	+ / + *	+ *	°	-ta' / -naan [Kari, 1975, 46]

Окончание табл. 1

Этнические группы	Система счета родства	Текнонимия отцовская / материнская	Псевдо-текнонимы	Псевдо-текнонимы, производные от кинонимов	Термин родства (отцовство / материнство), в составе имени являющийся реляционным предикатом
танайна	МЛн	+ / °	+ *	+	- <i>ta</i> / °, - <i>betukda</i> / - <i>bunkda</i> [Kari, 1974, 16]
коюконы	МЛн	- / -	°	°	- <i>to</i> ' / - <i>onh</i> [Krauss, 2000, 819]
ингалики	БЛ	- / -	°	°	- <i>to</i> ' / - <i>onh</i> [Kari, 1978a, 26]
Арктический бассейн					
сагу	БЛ	+ / +	°	+*	- <i>we-ta</i> / °
слэйви	БЛ	+ / +	+	+	- <i>be-tah</i> ; - <i>ta</i> / - <i>to</i>
догрибы	БЛ	+ / +	°	+	- <i>we-ta</i> ; - <i>be-ta</i> ; - <i>ta</i> / - <i>we-ama</i>
чипевьян	БЛ	+ / °	°	°	- <i>be-ta</i> / - <i>be-ama</i> ; - <i>ba</i> [Harnum, Kaulback, 2012, 180, 181]
биверы	БЛ	+ / +	°	°	°
секани	БЛ	+ / + *	°	°	°
Великие равнины					
сарси	БЛ	-	-	-	°

Примечания

° — нет данных

* — экстраполяция автора

Категории личных имен

Текнонимы в СЛИ атапасков занимают особое положение. Для лучшего понимания значения текнонимии ее необходимо рассматривать в совокупности с прочими типами антропонимических подсистем, используемых в обществе. Можно выделить следующие категории имен: 1) родильные имена; 2) прозвища; 3) сакральные имена; 4) имена родства; 5) почетные родовые имена (только у атапасков, контактировавших с индейцами Северо-Западного побережья).

Как во многих индейских культурах, традиционная СЛИ атапасков предполагала, что в течение жизни человек может неоднократно сменить имя и при этом носить одновременно несколько действующих имен. Рассмотрим пример. Торговый лидер сату, обычно упоминаемый торговцами и путешественниками как «Вождь Медвежьего Озера» (ок. 1852–1913), имел еще несколько имен: *Naohmby*; *Francis Yambi / Eyirape*; *Ek'awidare / K'aawidaa* «Лучший Торговец»; *Gots'ia-weta / Kochilea-weta / Gochia-ta*. Последнее имя, наиболее часто употребляемое индейцами-информантами в XX в., является текнонимом и буквально означает «Отец Младшего Брата» [Helm, 2000, 163; Idaa Trail].

Имянаречение и смена имен

Для атапаскской антропонимии в целом нехарактерны красивые эпитеты. Имена редко бывают эстетически привлекательными в понимании человека современной культуры. По своим идентификационным смыслам, как будет показано ниже, в атапаскских СЛИ социоцентричность доминирует над эгоцентричностью.

Первое имя ребенок получал через несколько дней после рождения. Дать его могли не только родители, но и люди из ближайшего окружения, обычно старики, необязательно родственники. Примечательно, что имянаречение младенца у атапасков — традиция неритуализированная, не сопровождавшаяся церемониями и обрядами [Mackennan, 1959, 142; Moore, 2007, 290]. Однако спустя некоторое время после наречения у некоторых групп проводилась церемония, во время которой один или несколько стариков, держа на руках младенца, предрекали его будущее во всех подробностях. У слэйви церемония называлась *kegha wots'edeh* «о ком-либо говорить» или *kegha niotsinde* «нечто уже воплощено в реальность для кого-либо», аналогичная церемония у каска называлась *dēsghūh ts'édāne nūyē doge meghq̄h gūgūdedēh* «говорить о том, каким ребенок вырастет» [Moore, 2007, 290]. У большинства атапасков детское имя было временным и позже изменялось, но это было нестрогое правило — часто детское имя оставалось действительным всю жизнь (слэйви, танайна) [Moore, 2007, 288; Osgood, 1933, 712], но к нему обычно добавлялись новые имена, полученные в течение жизни.

Обычно имена и прозвища — фенонимы³ дескриптивного характера, значение их дает отсылку к внешности, нраву человека. Они даются сообразно поступкам, конкретным жизненным инцидентам или характеру отношений индивида с другими людьми. Примеры современных фенонимов слэйви: *Aitseláa*, *Tsudáa* (вариации на тему «малыш»), *Láa* «Маленькие Руки», *Détsígúh* (отсылка к шумному поведению), *Dehtsoni* (намек на набухший подгузник), *Tsundzi* (от *tsunh* ‘скрипучие младенческие звуки’) [Mooge, 2007, 288]. Нередко такое, зачастую нелестное, имя человек носит долгие годы. Фенонимы сату: *Etaigeleh* (отсылка к внешности девушки с круглыми глазами), *Eschale* (имя мужчины с толстыми губами), *Ikwentaille* «Упаковывающий Мясо Карibu». Одна девочка наречена *Taweschele*, по названию холма, возле которого была рождена [Brown, 2014, 80]. Аналогичные имена, производные от топонимов, данные по названию места, где родился ребенок, отмечены у танана. У них же наряду с фенонимами бытовали звучные имена, лишённые смысловой нагрузки, например *Yut* [Mackennan, 1959, 142].

Вторая категория имен, которыми нарекали новорожденных, — имена, перешедшие от умерших родственников. Эта широко распространенная среди атапасков традиция основана на вере в реинкарнацию. У общин, удаленных от центров цивилизации, она обнаруживается и в наше время. Так, миссионер Берн Браун, живший среди сату, приводит случай, когда мальчика нарекли *Seesa*, в честь деда, который умер незадолго до его рождения. «В старые времена практика наречения детей по имени недавно умершего родственника была обычной», — пишет Браун, конкретизируя, что по этому принципу обычно нарекали первенца [Brown, 2014, 80, 174]. По определенным признакам сами родители или кто-либо из провидцев в своих грезах устанавливали, что новорожденный является перевоплощением покойного родственника. Еще в конце XVIII в. А. Маккензи писал о чипевьян: «Если ребенок родился с зубами, они говорят, что он похож на какого-нибудь ранее жившего человека, который принял обновленную жизнь, что проявилось в этом необычном признаке зрелости — преждевременном появлении зубов» [Mackenzie, 1802, cxiii]⁴.

У кучинов женщине на протяжении беременности во снах являлась душа умершего. Первое видение приходило в период, когда плод начинает шевелиться. Душа предстает будущей матери в виде крохотного зародыша, увеличивающегося в размерах в каждом новом сне. Непосредственно перед родами она, приняв облик маленького зверька (например, мыши, ласки), проникает в лоно женщины. Первое время после родов мать старается уловить сходство между новорожденным и душой умершего, являвшейся к ней в грезах. Считалось, что первым словом

³ В термин *феноним* я вкладываю самое узкое значение этого слова, т. е. это имена и прозвища, данные по внешнему признаку / качеству человека или отражающие ассоциативную связь с каким-либо событием.

⁴ Натальные зубы — редкое явление не всегда патологического характера. Частота встречаемости в современном обществе 0,001–0,0003 %.

ребенка будет имя воплотившегося в нем предка [Slobodin, 1994, 138]. Среди слэйви и каска к концу XX в. получила распространение более характерная для европейской культуры традиция наречения детей в честь живых родственников, вероятно, заместив аутентичную традицию с утратой веры в реинкарнацию. И хотя для современной СЛИ каска не характерно наречение по имени умершего, отголоски этой старой традиции встречаются. Пример: Мэри Чарли, наиболее известная под именем *Mack-dēts* «Младшая Сестра Мак», в детстве была наречена *Mestseh* (отсылка к детскому плачу), но, будучи взрослой, приняла имя умершего друга детства *Dīlī* [Moore, 2007, 287–288, 292]. Этот пример демонстрирует следующий тип антропонимов — имена родства и относительного возраста внутри одного поколения. Данная подсистема структурно близка к порядковым именам. Отсчет велся, видимо, всегда от первенца (имена типа «Старший брат того-то» не встречаются). Развернутый пример. В семье сату четверо детей. Девочка-первенец наречена *Na-tiu*, за ней следуют *Na-tiu-chile* «Младший Брат На-тайу», *Na-tiu-den* «Младшая Сестра На-тайу» и *Na-tiu-zoa* «Последний На-тайу» [Brown, 2014, 80]. Однако надо учитывать, что такие имена у атапасков могут являться псевдогенонимами, т. е. они не всегда отражают реальные родственные связи. Имена родства по родственникам старших поколений (герайтеронимия) в традиционной СЛИ атапасков не встречаются. Стоит добавить, что имена, производные от генонимов, вообще характерны для народов, у которых бытуют представления о реинкарнации умерших родственников [Дзибель, 2001, 336].

Относительно СЛИ ингаликов и коюконов В. Долл отмечает, что женские имена у них почти всегда оканчиваются на *-ilno*, например *Talo-ilno* «Стремительная Вода», мужские же на *-kala*, например *Kusko-kala* «Он, Который Поражает». Но в мужских именах, добавляет Долл, это правило соблюдалось нестрого [Dall, 1898, 202]. Значение указанной части лексемы помогают прояснить поздние лингвистические исследования: компонент *-k'al* выражает отношение нежности и привязанности [Kagi, 1978b, 16]. Выяснить значение указанного Доллом компонента женских имен не удалось, но не исключено, что он также является некой «частицей вежливости».

Интересной особенностью женских имен чипевьян являлась их унификация. В традиционной антропонимии чипевьян слово *tha* 'куница' являлось обязательным компонентом женских имен, занимающим в лексеме препозицию. Еще в XVIII в. С. Хирн, обративший внимание на эту особенность, отмечал, что женские имена «северных индейцев» всегда связаны с куницей. Жен его проводника Матонаби звали так: «Черная Куница», «Белая Куница», «Кунья Сердце», «Летняя Куница», «Куний Хвост», «Кунья Лапа», «Кунья Голова» [Hearne, 1911, 132]. Здесь же уместно вспомнить самую известную женщину в истории Американского Севера, чипевьянку по имени *Танадэлтар* «Прыгающая Куница».

СЛИ кэрьеров и талтанов имели характерные особенности, сближающие их с СЛИ индейцев Северо-Западного побережья. Наречение младенца здесь

неразрывно связано с реинкарнационным комплексом воззрений. Через несколько дней после рождения ребенку давали имя умершего родственника по материнской линии в соответствии с видением, полученным родителями или любым другим человеком [Morice, 1889, 127]. Как отмечает Эммонс, описывая систему смены имен у талтанов, это первое имя важного значения не имело. В возрасте 8–15 лет дядя по материнской линии давал мальчику (а девочке — тетя по материнской линии) второе, более значимое имя, которое также прежде носил родственник по матери. Эти вторые именины сопровождались праздником или совмещались с поминальным потлачем, устроенным в честь прежнего носителя имени. С этого момента первое имя отменялось. Третье, еще более почетное имя принималось уже самим человеком от умершего родственника, также во время поминального потлача. Кроме того, позже человек мог взять четвертое, самое почетное имя, если был в состоянии самостоятельно организовать потлач в честь какого-нибудь великого предка по материнской линии [Emmons, 1911, 104].

Аналогичная, если не идентичная, система передачи почетных родовых имен существовала у тлинкитов и хайда. Для именных потлачей имелся специальный термин и правила проведения, отличные от поминальных потлачей. Само почетное имя являлось сакральным и употреблялось лишь в определенных ситуациях [Гринев, 1990, 136–138], обычно же человека называли по текнониму. Подобная система почетных имен, очевидно, в западном культурном кластере атапасков была распространена шире, не только у талтанов и кэрьеров. Мало сомнений в том, что этой же традиции придерживались по меньшей мере атна и тагиши.

Сакрализация «главного» имени человека и табуирование его употребления в речи у атапасков были распространены широко, возможно, повсеместно. Использование личных имен у них — вопрос сложного комплекса этикета. Например, у атна, если человек произносил свое имя, это означало, что он бросает оппоненту вызов в ультимативной форме [Kagi, 1990, 334]. Коюконы хранили свои настоящие имена в тайне [Laguna, 2000, 166]. Слэйви и каска также не раскрывали посторонним особые личные имена, которые употреблялись во время ритуалов исцеления, в магических целях [Moore, 2007, 287]. Такое особое, тайное имя могло быть принято человеком, получившим в видении магическое откровение.

Текнонимы и псевдотекнонимы

Сфокусируем внимание на главном объекте исследования — текнонимии. Текнонимы, как выше обозначено, характерны для всех северных на-дене, за исключением единичных случаев, и, судя по неоднократным свидетельствам, у большинства атапасков являлись именами, предпочтительными в употреблении. Эта традиция была отмечена ранними авторами, задолго до того, как Тайлор ввел в научный оборот соответствующий термин. Первое упоминание текнонимии

у атапасков относится к Первой полярной экспедиции Дж. Франклина 1819–1821 гг., к нему обратимся чуть позже.

Сообщения о текнонимии все чаще попадают в источники начиная с середины XIX в., в связи с активным освоением Севера. Так, во время первой экспедиции Р. Кенникотта 1859–1862 гг. его проводником на Юконе был кучин *Va-kieh-nachah-teh* «Отец Того, У Кого Большие Ступни», он же «Красные Леггины» [James, 1942, 84]. Клерк Компании Гудзонова залива С. Джонс отметил, что «у кучинов отец берет себе имя от своего сына или дочери, а не как у нас — сын от отца. Отцу дается имя сына с добавлением слова *tee* в конце. Например, у *Que-ech-et* есть сын, которого называли *Sah-neu*. Теперь отца станут называть *Sah-neu-tee*, а его прежнее имя, *Que-ech-et*, будет забыто. Иногда и женские имена изменяются, например с *Toat-li* на *Sah-neu-behan*, или “Мать *Sah-neu*”» [Jones, 1866, 326].

Аналогичное наблюдение сделал миссионер Э. Птито, многие годы проживший среди атапасков р. Маккензи: «Среди дене-динджье не сыновья берут имя родителей, но отцы и матери меняют свое имя при рождении старшего сына, взяв его имя. Так, отец *Tchèlè* будет именоваться *Tchèlè-t'a* — “Отец *Тчеле*”, а его мать — *Tchèlè-mon*, т. е. “Мать *Тчеле*”» [Petitot, 1876, 61]. Птито упоминает также имена индейцев, с которыми встречался во время поездок: хэа *Sa-k'a-nèt'a-t'a* «Отец Охотника На Медведей» и слэйви *Essa-da-t'a* «Отец Горла Козодоя» (он же *Банлай-тчо* «Большой Француз») [Petitot, 1893, 133, 417].

Э. Морис, затрагивая традицию текнонимии у «западных дене», к которым он относил кэрьеров, чилкотинов и секани, писал: «И мужчины и женщины с большой неохотой сообщают личные имена и, как правило, скорее будут использовать описательные образы вокруг да около, чем надлежащие вокативы» [Morice, 1889, 123]. Аналогичное наблюдение оставил Д. Вилер, путешествовавший с догрибами: «Надо отметить, что догрибы не любят произносить настоящих имен. Они, как правило, пользуются прозвищами. Одна из самых распространенных форм прозвищ — когда человека называют в честь его сына» [Wheeler, 1914, 52]. В составленном Ф. Боасом списке личных имен цецот, исчезнувшего атапаскского народа, фигурируют *Tsatso-ta'* «Отец *Цацо*» и *Tsatso-na'* «Мать *Цацо*» [Boas, 1924, 16]. Отцовская и материнская текнонимия отмечалась этнографами у талтанов [Emmons, 1911, 104], танайна (по первенцу) [Osgood, 1933, 712], слэйви [Moore, 2007, 296], сату и догрибов (по первенцу) [Helm, 2000, 227]. У «западных дене» Морис отметил только отцовскую текнонимию [Morice, 1889, 123], но в этом случае вероятно упущение данных.

Нередко текнонимы встречаются в индейских исторических преданиях⁵, события которых относятся к концу XVIII — середине XIX в. Примеры: танайна *S'uket-Ta'* «Отец Купившего Чего-то»; атна *Yalniil-Ta'* «Отец Несущего Это», *Takol'iix-Ta'* «Отец Дневного Света На Воде» (он же *Unaegge'-C'ilggeyi* «Бело-

⁵ Мифологические персонажи у атапасков никогда не носят имен-текнонимов.

глазый»), *'El-C'alnes-Ta* «Отец Обернутого В Ткань», *Bets'ulnii-Ta* «Отец Кого-то Смиренного Возле Него» [Kari, 1990, 26–32]; догрибы *Teconne-betah* (он же Эдзо «Сердце») и *Satl'i-weta* «Отец Солнечного Луча» [Helm, 2000, 226–227]. Глинкитам с оз. Теслин надолго запомнился шаман каска по имени *'Ena'yee'ta* «Отец Похожего На Гору» [MacLellan, 2007, 516]. О братьях-воинах *Tsegentah* и *Engahtah* повествуют предания талтанов [MacLlwraith, 2017, 272]⁶.

Текнонимы фигурируют и в источниках колониального периода: так, например, в документации торговых постов упомянуты догрибы *Zecke-bethaw*, *Tsatsegebetha*, *Bedsi-betha* [Yerbury, 1986, 116, 118, 120]. Редкий текноним с числительным в основе был зафиксирован у чипевьян Б. Россом, мехоторговцем, который упоминает имя *Hon-nen-na-be-ta* «Отец Десятерых», отмечая, однако, что оно нехарактерно для чипевьян, как, впрочем, и такое количество детей [Ross, 1866, 305].

Христианизация и интеграция европейских имен в аутентичные СЛИ большинства атапасков негативного влияния на традицию текнонимии не оказали. Например, известны следующие текнонимы: каска *Mi-ta* «Отец Ми» (*Mi* — искаж. *Мария*) [Mooge, 2007, 288], догриб *Andare-weta* «Отец Андаре» (*Andare* — искаж. *Генри*)⁷ [Helm, 2000, 157]. Иногда индейцы именовали детей неологизмами, заимствованными из европейских языков, религиозными терминами, от которых, в свою очередь, производились такие текнонимы: слэйви *Carillion-t'a* «Отец Карильона» (он же *Bétsô-biê-kk'a-enli*) [Petitot, 1893, 166], догриб *Armi-weta* «Отец Ами». Последнее имя является искаженным молитвенным словом *аминь*, которое в начале XX в. стало популярным личным именем среди догрибов [Wheeler, 1914, 52]. Любопытно отметить, что примерно в этот же период у хан стали популярны три женских имени: *Сьюзи*, *Сара* и *Анна*. Однако в индейскую антропонимию они были привнесены отнюдь не миссионерами — именно так назывались три самых больших парохода в верховьях Юкона во времена золотой лихорадки на Клондайке [Mishler, Simeon, 2004, 255].

В последних десятилетиях XX в. Б. Браун наблюдал у сату расширенную до третьего поколения систему текнонимии: «Если взрослые не бездетны, их часто называют по именам детей, т. е. “мать или отец такого-то и такого-то”. Таким образом, *Tekabeta* — имя отца *Teka* (“Ондатры”); *Seesabeasson* — имя бабушки *Seesa*» [Brown, 2014, 80]. П. Мур отмечает современные текнонимы в традиционной форме у слэйви, например *Ketli-mo* и *Ketli-ta* «Мать Ходока», «Отец Ходока», и говорит, что по отношению к людям, у которых есть дети, сверстниками детей и людьми, не включенными в круг ближайших родственников, чаще всего в речи употребляются текнонимы. Люди же ближайшего окружения, родственники и сверстники, знакомые с детства, чаще используют привычные им детские имена.

⁶ Точная этимология этих двух талтанских имен неясна (MacLlwraith, личное сообщение, 28.04.2020), но, судя по структуре, их с уверенностью можно отнести к текнонимам.

⁷ Более вероятным кажется происхождение от французского эквивалента этого имени — *Андре*.

Например, старейшина Вилли Алхасай известен под именем *Eolhah*, данным ему в детстве, только среди сверстников-стариков. Пожилые каска сейчас употребляют в речи как текнонимы, так и другие имена, не выражая систематизированных предпочтений в использовании разных типов антропонимов. Текнонимы и прочие имена родства употребляются главным образом для демонстрации знаний родственных связей. На верхнем Юконе в недавнем прошлом текнонимы употреблялись в общении значительно чаще других категорий имен [Mooge, 2007, 288, 290, 292], но очевидно, что в течение XX в. традиционная система этикета претерпевала изменения и табуирование личных имен постепенно утратило свое значение. А. А. Кибрик, неоднократно проводивший полевые социолингвистические исследования на Аляске, отмечает, что среди верхнекускоквимцев (на карте: колчан) сегодня текнонимия окказионально встречается в форме обозначения человека через его детей (личное сообщение, 27.11.2019).

Помимо собственно текнонимов, отражающих реальные генетические связи, отдельного внимания заслуживают присущие антропонимии северных на-дене псевдотекнонимы.

По наблюдениям П. Мура, проводившего длительные исследования среди каска в недавнем прошлом, иногда имя-псевдотекноним может получить новорожденный или взрослый человек в качестве прозвища. Например: *Gūs-ma* «Мать Сурка» и *Dedie-ta* «Отец Сурка» — имена, данные детям. Подобное имя человек носит и после рождения у него собственных детей, оно не сменяется на настоящий текноним. Самого Мура каска прозвали *Dayali-ta* «Отец Странствующего», хотя сын его получил индейское имя-феноним *Etsidetsedzi* «Белая Голова». «Каска и соседние группы, такие как талтаны, тагиши, тутчоны и тлинкиты, часто дают имена в форме “мать / отец ребенка”, но имена эти не указывают родительство, как у дене-та, а функционируют скорее как другие виды имен, которыми нарекают детей или взрослых», — констатирует Мур, отмечая контраст в системе текнонимии каска и слэйви [Mooge, 2007, 284, 286, 290, 301]. Однако, как будет показано ниже, в XIX в. среди слэйви также бытовали псевдотекнонимы, причем даже в такой экзотичной форме, как «отец / мать предмета».

Псевдотекнонимы такого же, как у каска, подтипа существовали и у тлинкитов [Гринев, 1990, 135], поэтому можно смело экстраполировать ареальное распространение этой традиции на всю зону контакта атапасков с Северо-Западным побережьем. Очевидна связь этого подтипа псевдотекнонимов с системой почетных имен, включенной в реинкарнационный комплекс верований.

Не менее любопытна традиция наречения людей добрачного возраста и бездетных по кличкам собак. Это заметил еще Дж. Франклин, который писал, что атапаски верхнего течения р. Маккензи (слэйви, догрибы) «берут имена в первую очередь от своих собак. Молодой человек считается отцом определенной собаки, но, когда женится и у него появляется сын, он именуется отцом мальчика» [Franklin, 1823, 293]. Ареал псевдотекнонимов, производных от кинонимов,

распространяется и на западный культурный кластер. У танайна «до того, как человек вступает в брак, люди называют его личным именем, а если он женится и не имеет детей, то заменяют его имя на имя его собаки» [Osgood, 1937, 161]; также и среди кучинов бездетный человек «может быть известен как отец его собаки» [Mackennan, 1965, 58].

Наиболее детальное описание атапаскской СЛИ в XIX в. оставил Р. Кенникотт. Им хорошо описана последовательность смены мужских и женских имен, включая текнонимы и псевдотекнонимы. Вот что он пишет о слэйви низовий р. Лиард: «Индийская система имен, включающая и личные имена и родственные отношения, очень необычна. При рождении мальчик получает какое-нибудь имя, например *Gäh* “Заяц”, но это имя сохраняется только в юности. Когда он женится, его называют отцом его старшего ребенка. Например, если первенца назовут *M'biss* “Нож”, его имя больше не *Gäh*, а *M'biss-tah* “Отец Ножа”. Но если же он не женился молодым или же у него нет детей, его зовут отцом его любимой собаки. Если у него нет собаки, его зовут отцом какой-нибудь его ценной вещи. Так, человека, который внимательно заботится о своем котелке, зовут его отцом (*A d'je ra tah*), а меня назвали *T'tha cho tha* “Отец Большой Трубки”. Если у человека, которого зовут по имени собаки, потом появляются дети, его зовут по имени старшего, а если он умирает, то по имени следующего, и т. д. Этот же закон применим и к женщинам, за исключением того, что они не меняют имя до тех пор, пока у них не появятся дети. Но по отношению к бесплодным женщинам и старым мужчинам, у которых никогда не было детей, применяется простой термин *Kleng tah* “Отец Собаки” или *Kleng moh* “Мать Собаки”, зачастую как насмешка. Тем не менее, имя человека, данное ему по имени его собственной, конкретной собаки, не расценивается как издевка» [James, 1942, 74–75].

В связи с этим следует подчеркнуть, что в культуре атапасков, пеших охотников, собака занимает особое положение. Это сакральное животное, наделяемое качествами человеческой личности и полноценно включенное в социальную среду. В восточном кластере собака — мифический предок человека. Табу на убийство собак и употребление в пищу собачьего мяса было распространено повсеместно и не нарушалось даже в голодные времена [Savishinsky, 1975, 487]. Известен совершенно курьезный случай, относящийся к 1830-м гг., когда у кэрьеров собака унаследовала ранг знатного человека [Maclean, 1849, 299]. Животное «вступило в права» ввиду отсутствия генетического наследника. В соответствии с системой наследования статуса у кэрьеров, очевидно, это была собака бездетной, должно быть, преклонного возраста сестры покойного, которая считалась ее «матерью».

Аналогичные псевдотекнонимы, производные от зоонимов, отмечены и у тлинкитов. У них же существовал еще один вид псевдотекнонимов. Это производные от топонимов, например: *Калиах-иш* «Отец [реки] *Калиах*», *Киллисну-иш* «Отец [острова] *Киллисну*» [Гринев, 1990, 135]. Очень вероятно, что подобные

имена встречались и у атапасков, контактировавших с тлинкитами, так как в их СЛИ обнаруживается множество идентичных элементов.

Морфемика атапаскских текнонимов

В атапаскских языках текноним представляет собой композиту (сложное, поликорневое слово), состоящую из двух компонентов: а) основы (имя ребенка), имеющей препозицию в лексеме; б) реляционного предиката, всегда находящегося в постпозиции по отношению к основе.

Реляционный предикат, образованный термином родства, в свою очередь, может быть представлен в двух формах: 1) термин родства употребляется без местоименной морфемы; 2) предикат состоит из последовательно идущих: местоименной морфемы «его / ее», являющейся префиксом; корня термина родства.

Такая словообразовательная цепь со строгим порядком следования компонентов и морфем в текнонимах присуща всем северным атапаскам, однако в разных языках представлены разные формы строения реляционного предиката. Форма 1 (краткая) более характерна для языков западного культурного кластера, форма 2 (расширенная) — для восточного (см. табл. 1). Например, у догрибов и слэйви встречаются обе формы, но вторая явно преобладает. Вполне возможно, что в речи могла употребляться краткая или расширенная форма текнонима в зависимости от степени родства / знакомства с носителем имени и/или конкретных ситуативных обстоятельств.

Рассмотрим морфемную структуру текнонимов у догрибов на примере вышеупомянутого имени «Отец Младшего Брата» (см. табл. 2). По источникам известны обе выделенные формы этого имени.

Таблица 2

Структура атапаскских текнонимов
(на примере текнонима «Отец Младшего Брата»)

Форма	Имя ребенка		Реляционный предикат	
1	<i>Go</i>	<i>-chia</i>	—	<i>-ta</i>
2	<i>Go</i>	<i>-chia</i>	<i>-we</i>	<i>-ta</i>
	«наш (кого-нибудь из нас)»	«младший брат»	«его»	«отец»

Социокультурные смыслы текнонимии

Как было сказано в начале статьи, текнонимия — антропонимическая традиция, довольно широко представленная в разных частях мира, однако за одними и теми же приемами в разных сообществах могут скрываться разные социальные

стратегии и цели. Несмотря на общее единообразие СЛИ, разница в функциях текнонимии просматривается даже внутри этнического массива северных на-дене. При этом функции, которые удается выделить в этих традициях, находят прямые параллели у народов Старого Света. Ярким примером являются псевдотекнонимы, производные от зоонимов. Эта специфичная традиция, распространенная среди северных на-дене, обнаруживается у народов, колоссально отдаленных от них как географически, так и культурно: у нуэров в Судане мальчику после инициации присваивалось имя принадлежащего ему быка [Бромберже, 2012, 124], а у даяков на Борнео бездетных людей называли родителями их любимой собаки или кошки [Geertz & Geertz, 1968, 373]. Безусловно, такие примеры не могут свидетельствовать о генетическом родстве традиций, а скорее подтверждают то, что идентичные, почти шаблонные культурные феномены могут возникать конвергентно и существовать у этносов с совершенно различным укладом и структурой.

Взаимосвязь текнонимии с табуированием личных имен не вызывает сомнений среди специалистов [Дзибель, 2001, 164]. Например, на этом основана текнонимия в арабском мире [Бромберже, 2012, 133; Литвинова, 2011, 172]. Как видно из приведенных материалов, у атапасков текнонимы также являются эвфемизмами прочих имен, традиция эта основана на системе этикета. И все же текнонимы не следует считать именами второстепенными, так как именно они являлись наиболее употребляемыми вокативами, именами, открытыми для общества.

Текнонимия, конечно же, сопряжена с браком, и в связи с этим немаловажно отметить, что примечательной чертой традиционной культуры атапасков являлось отсутствие каких-либо брачных обрядов и ритуалов⁸. Брачный союз начинался с сожительства, нередко поводом являлась беременность. Ввиду этого обстоятельства текнонимии у атапасков можно интерпретировать как единственную демонстративно выраженную брачную традицию. Главный социальный смысл атапаскской текнонимии видится в том, что со сменой имен молодых родителей их союз признавался обществом состоявшимся. Текноним в первую очередь являлся декларативным маркером брака, обозначавшим особый родительский статус его носителя, знаком, фокусирующим внимание на самом факте реализации человеком функции продления рода. Аналогичное значение имеют текнонимы у индонезийских пена, у которых супружеские пары выделяются в отдельную страту, отличную по статусу от страты незрелых, бездетных и пожилых людей [Бромберже, 2012, 137]. Немаловажно отметить, что в срезах социальной культуры атапасков в прочих плоскостях стратификация выражена чрезвычайно слабо. Тезис этот особенно справедлив для восточного культурного кластера.

Что касается генеалогических смыслов атапаскской текнонимии, то здесь проявляются две противоположные стратегии. Для восточного культурного кластера вполне применим введенный К. Гирцем при анализе текнонимии балийцев эпитет

⁸ Среди неритуализированных брачных традиций отмечается выкуп или отработка за невесту.

структурная генеалогическая амнезия — действующая система текнонимов не дает возможности проследить общих предков членов сообщества [Бромберже, 2012, 132–133]. В случае атапасков смысл подобной стратегии может заключаться в том, что для незначительных по численности популяций пеших кочевников, рассредоточенных по тайге и лесотундре мелкими, легко разделяющимися общинами, осознание общего родства является невыгодным ввиду общей тенденции к экзогамии. А вот трехступенчатая цепь текнонимической филиации, отмеченная у сату, выглядит полезной для установления между членами различных общин связей свойства, снижающих конкурентные отношения.

Совсем другая ситуация складывается в западном культурном кластере, в зоне контакта с Северо-Западным побережьем (а также у народов этого культурного ареала). Это факультативно оседлые группы с выраженной клановой территориальностью, у которых передача имен через одно или более поколение имела важное социально-экономическое значение. У них чаще проявляется псевдотекнонимия, связанная с реинкарнационным комплексом воззрений. Приняв от предка почетное имя, которое исходно могло быть и текнонимом, его новый носитель утверждал таким образом свои права на закрепленные за семьей угодья (рыболовные, охотничьи, месторождения минералов). Такого рода псевдотекнонимы являются жестким генеалогическим маркером, определяющим наследственные права, т. е. говорить о генеалогической амнезии в этом случае не приходится. Ввиду идентичности текнонимических систем тлинкитов и соседствующих с ними атапасков стоит упомянуть следующую интересную особенность взаимосвязи антропонимии и генеалогии. Например, девочка тлинкитка при рождении унаследовала имя *Хуцк-тла* «Мать Детеныша Медведя», тем самым получив право назвать своего старшего сына *Хуцк*, соответственно, муж ее получил имя *Хуцк-иши* «Отец Детеныша Медведя» [Гринев, 1990, 135]. В данном случае наблюдается редупликация антропонимов в нескольких поколениях, а псевдотекноним становится настоящим текнонимом при рождении ребенка. Таким образом, примеры наследования имен через поколение у атапасков восточного кластера и западного, в зоне контакта с Северо-Западным побережьем, контрастом своих функций полностью подтверждают тезис, что за подобной практикой могут скрываться стратегии разного масштаба: «в одних случаях имя предка выступает в качестве простой классифицирующей метки, в других — символизирует власть и соответствующие ей привилегии и почести» [Бромберже, 2012, 138].

Помимо генеалогических и социальных смыслов текнонимии, важно коснуться вопроса о содержании ее как составляющей духовной культуры, по крайней мере предпринять такую попытку. В области пересечения СЛИ с системой религиозных воззрений лежит вера в реинкарнацию, общая для всех северных на-дене, этот момент уже был неоднократно отмечен в статье. В совокупности с традицией передачи имен умерших, текнонимия в полной мере реализует

бинарную оппозицию «рождение — смерть». Как видится, будучи системой статусной, текнонимия отражает представления о цикличности чередования поколений и межпоколенческой смене статусов. Рассмотрим подробнее вышеприведенный пример из антропонимии сату: мальчик при рождении принял имя своего покойного деда — *Сиса*. Теперь его родители именуется «Отец / Мать Сисы», при этом один из них (не указано, отец или мать) является генетическим ребенком Сисы-старшего. Таким образом, фактически человек принимает статус родителя новой физической ипостаси своего собственного родителя, меняясь с ним местами. Наблюдается статусная инверсия.

Здесь же уместно вспомнить, что у атапасков р. Маккензи люди старшего поколения, чьи дети уже достигли зрелого возраста, именовались, так же как и люди добрачного возраста, по имени собаки, т. е. разные поколения объединялись в одну социально-возрастную страту, различия между ними стирались. Возрастная система такого типа называется циклической (в отличие от линейной) [Дзибель, 2001, 104]. Смысл этой парадигмы у атапасков, если рассматривать ее вкпе с реинкарнационным комплексом, становится очевиден: в их понимании позиции разных поколений в мироустройстве, чем ближе человек к смерти — тем ближе он к перерождению. Таким образом, в комплексе взаимосвязанных традиций, включающем в себя представления о реинкарнации, систему текнонимов и возрастных страт, рельефно проявляются неартикулированные в культуре представления о цикличности времени — черте, характерной для архаичной этнофилософии.

Современное состояние СЛИ

У чипевьян, раньше других атапасков вступивших в контакт с европейцами, и биверов к настоящему времени текнонимия утрачена. У слэйви, сату, каска эта традиция жива и сейчас. Судя по данным последних десятилетий, можно констатировать, что на сегодняшний день для атапасков, по крайней мере для некоторых групп, характерен антропонимический дуализм. Внутри общин больше используются традиционные имена, в том числе и текнонимы, в то же время при контактах с внешним миром — европейские имена и фамилии. П. Мур наблюдал разницу в том, какое имя считается главным. Например, если у слэйви основными являются христианские имена, данные при крещении, то каска до сих пор склонны считать главными имена традиционные. Однако отмечены и случаи почти полной утраты традиционной антропонимии к середине XX в.: так, Р. Макеннан наблюдал это среди верхних танана, которые уже тогда полностью перешли на европейские имена [MacKenna, 1959, 142].

В ряде случаев при переходе на европейскую модель фамилиями становятся имена известных предков. В Канаде в последние годы наблюдается неустойчивая тенденция к отказу от европейских имен и возрождению традиционных.

Например, девочек называют *Sakae?ah*, *Sahai?a* (слэйви, чипевьян)⁹. Это набирающее популярность символическое имя означает «Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тучи или из-за горизонта» [Browne, 2015]. Как тут не вспомнить дошедшее до нас из глубины веков имя *Сатл'и-вета* «Отец Солнечного Луча»? И быть может, этим первым лучам ренессанса культурных традиций и языков не суждено померкнуть?

Источники

- Boas F., Goddard P.* Ts'ets'ut, an Athapascan Language from Portland Canal, British Columbia // International Journal of American Linguistics. 1924. Vol. 3. № 1. P. 1–35.
- Brown B. W.* End-of-Earth People: The Arctic Sahtu Dene. Toronto : Dundurn Press, 2014.
- Browne R.* What's in a name? A Chipewyan's battle over her native tongue // Maclean's. 12.03.2015. URL: <https://www.macleans.ca/society/life/all-in-the-family-name/>
- Dall W. H. O.* Travels on the Yukon and in the Yukon Territory in 1866–1868. London : Downey & Co., 1898.
- Emmons G. T.* The Tahltan Indians // University of Pennsylvania Museum Anthropological Publication. 1911. Vol. 4. № 1.
- Franklin J.* Narrative of a Journey to the Shores of the Polar Sea in the Years 1819, 20, 21 and 22. Vol. 2. London : J. Murray, 1823.
- Harmum B., Kaulback B.* Dene Dedline Yatie. Chipewyan Dictionary. Ft. Smith : South Slave Divisional Education Council, 2012.
- Hearne S.* A Journey from Prince of Wales's Fort in Hudson's Bay to the Northern Ocean in the years 1769, 1770, 1771 and 1772. Toronto : The Chaplain Society, 1911.
- Helm J.* The People of Denendeh. Iowa : Univ. of Iowa Press, 2000.
- Idaa Trail* — Idaa Trail. Lesson from the Land. A Cultural Journey through the Northwest Territories. URL: www.idaatrail.ca
- James A. J.* The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. Chicago : Northwestern University, 1942.
- Jones S.* The Kutchin tribes // Notes on the Tinneh or Chipewyan Indians of British and Russian America / ed. by G. Gibbs. Washington : Smithsonian Institute, 1866. P. 320–327.
- Kari J.* Kenai Tanaina Noun Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1974.
- Kari J.* Ahtna Noun Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1975.
- Kari J.* Deg Xinag. Ingalik Noun Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1978a.
- Kari J.* Holikachuk Noun Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1978b.
- Kari J.* Two Upper Ahtna Narratives of Conflict with Russians // Russia in North America Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America (Sitka, Alaska, August 19–22, 1987) / ed. by R. A. Pierce. Kingston ; Fairbanks : Limestone Press, 1990. P. 24–36.
- Kari J.* Lower Tanana Athabaskan Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1994.
- Krauss M. E.* Minto Nenana Athabaskan Noun Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1974.
- Krauss M. E.* Koyukon Kinship // Jetté J., Jones E. Koyukon Athabaskan Dictionary. Fairbanks : ANLC, 2000. P. 815–822.
- Laguna F. de* Travels among the Dena: Exploring Alaska's Yukon Valley. Seattle : Univ. of Washington Press, 2000.
- Mackennan R. A.* The Upper Tanana Indians. New Haven : Yale Univ., 1959.
- Mackennan R. A.* The Chandalar Kutchin. Montreal : Arctic Institute of North America, 1965.

⁹ В обоих случаях матерям было отказано во внесении имен в свидетельство о рождении, так как в официальных документах Северо-Западных территорий Канады не допускается употребление знака гортанной смычки.

- Mackenzie A.* Voyages from Montreal through the Continent of North America, to the Frozen and Pacific Oceans in the Years 1789 and 1793. Philadelphia : John Morgan, 1802.
- Maclean J.* Notes of a Twenty-Five Years Service in the Hudson's Bay Territory. Vol. 1. London : Richard Bentley, 1849.
- Macllwraith T.* Arthur Nole (1940–2015). Tahltan Elder, Raconteur and Friend // *Histories of Anthropology Annual*. 2017. Vol. 11 : Historicizing Theories, Identities, and Nations. P. 267–281.
- MacLellan C.* My Old People's Stories. A Legacy for Yukon First Nations. Whitehorse : Queen's Printer, 2007.
- Mishler C., Simeon W.* Han — People of the River. An Ethnography and Ethnohistory. Fairbanks : Univ. of Alaska Press, 2004.
- Morice A. G.* The Western Denes. Their Manners And Customs // *Proceeding Of The Canadian Institute*. 1889. Vol. 25. P. 109–174.
- Osgood C.* Tanaina Culture // *American Anthropologist*. 1933. Vol. 35. № 4. P. 695–717.
- Osgood C.* The Ethnography of the Tanaina. New Haven : Yale Univ., 1937.
- Peter K.* Dinjii Zhuh Ginjik Nagwan Tr'iltstaii. Gwich'in Junior Dictionary. Fairbanks : ANLC, 1979.
- Petitot E.* Exploration de la Region de Grand Lac des Ours (Fin des Quinze ans sous le Cercle Polaire). Paris : Téqui, 1893.
- Petitot E.* Monographie der Dene-Dinjie. Paris : E. Leroux, 1876.
- Poser W. J.* Carrier Monosyllabic Noun Stems // *The 32 Annual Conference of the Canadian Archaeological Association* (Whitehorse, 01.05.1999). URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.20.3971&rep=rep1&type=ps>
- Ritter J. T.* Han Gwich'in Athapaskan Noun Dictionary. Draft, 1978.
- Ross B. R.* The Eastern Tinné // *Notes On The Tinné Or Chipewyan Indians Of British And Russian America* / ed. by G. Gibbs. Washington : Smithsonian Institute, 1866. P. 304–311.
- Wheeler D. E.* The Dog-Rib Indian And His Home // *The Bulletin Of The Geographical Society Of Philadelphia*. 1914. Vol. 12. № 2. P. 47–69.
- Yerbury J. C.* The Subarctic Indians and the Fur Trade, 1680–1860. Vancouver : Univ. of British Columbia Press, 1986.

Исследования

- Бромбергже К.* К антропологическому анализу антропонимов // *Вопросы ономастики*. 2012. № 1 (12). С. 116–145.
- Гринев А. В.* Личные имена индейцев тлинкитов // *Советская этнография*. 1990. № 5. С. 132–141.
- Дзибель Г. В.* Феномен родства: пролегомены к иденетической теории. СПб. : МАЭ РАН, 2001.
- Литвинова Л.* Система и термины родства хауса // *Африка в глобальном мире: прошлое, настоящее и будущее : материалы X Школы молодых африканистов России (Москва, 29–30 ноября 2011 г.)* / отв. ред. Н. А. Жерлицына. М. : Ин-т Африки РАН, 2011. С. 172.
- Эванс-Притчард Э.* История антропологической мысли. М. : Изд-во РАН, 2003.
- Bishop C., Krech S.* Matriorganization: The Basis of Aboriginal Subarctic Social Organization // *Arctic Anthropology*. 1980. Vol. 17. № 2. P. 34–45.
- Geertz H., Geertz C.* Teknonymy in Bali: Parenthood, Age-grading and Genealogical Amnesia // *Marriage, Family, and Residence* / ed. by P. Bohannan, J. Middleton. New York : The Natural History Press, 1968. P. 355–376.
- Helm J.* Bilaterality in the Socio-Territorial Organization of the Arctic Drainage Dene // *Ethnology*. 1965. Vol. 4. № 4. P. 361–385.
- Moore P.* Negotiated Identities: The Evolution of Dene Tha and Kaska Personal Naming Systems // *Anthropological Linguistics*. 2007. Vol. 49. № 3/4. P. 283–307.
- Perry R. J.* Matrilineal Descent in a Hunting Context: The Athapaskan Case // *Ethnology*. 1989. Vol. 28. № 1. P. 33–51.

- Sapir E.* Personal Names among the Sarcee Indians // *American Anthropologist*. 1924. Vol. 26. № 1. P. 108–119.
- Savishinsky J. S.* The Dog and the Hare: Canine Culture in an Athapaskan Band // *Proceedings: Northern Athapaskan Conference*, 1971. Vol. 2 / ed. by A. McFadyen Clark. Ottawa : National Museums of Canada, 1975. P. 642–515.
- Slobodin R.* Kutchin concepts of reincarnation // *Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief among North American Indians and Inuit* / ed. by A. Mills, R. Slobodin. Toronto : Toronto Press, 1994. P. 136–155.
- Tylor E. B.* On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 1889. Vol. 18. P. 245–269.

Рукопись поступила в редакцию 01.04.2019

СОКРАЩЕНИЯ

искаж. искаженный

* * *

Шишелов Никита Сергеевич
независимый исследователь
Россия, Москва
E-mail: nshishelov@rambler.ru

Shishelov, Nikita Sergeevich
Independent Researcher
Moscow, Russia
Email: nshishelov@rambler.ru

Nikita S. Shishelov
Independent Researcher
Moscow, Russia

TEKNONYMY IN THE ANTHROPONYMIC SYSTEM OF NORTHERN ATHABASKANS

The paper explores the anthroponymic tradition of teknonymy (paedonymic), renaming a parent by the name of a child, that is common among the northern Na-Dene populations. The study focuses on northern Athabaskans, occasionally using the data on neighboring peoples. The analysis refutes the accuracy of the functional interpretation of teknonymy proposed by Edward B. Taylor at the end of the 19th century. In this paper, teknonymy is considered as an integral part of a holistic traditional anthroponymic system of Athabaskan people which enables the author to identify and analyze the social strategies and implicit meanings it invokes. Linked to the tradition of tabooing personal names and a complex of views on reincarnation, the teknonymic subsystem in the past occupied a dominant position in the anthroponymy of most northern Athabaskans. Currently, it is still alive among some groups in a somewhat reduced form. The collected data provides for determining the boundaries of the largest continuous distribution area of teknonymy in America, including at least two dozen ethnolinguistic groups. A particular attention is given to pseudo-teknonyms, the names using the same pattern but unsuggestive

of the real kinship of the name bearer. Two morphemic patterns of the teknonym formation are described. The author hypothesizes that in the Athabaskan culture, the teknonym was primarily a declarative marker of marriage indicating a special parental status that was the only publicly expressed marriage tradition. Meanwhile, teknonymy is regarded contextually, in relation to the social and generational stratification, and comparatively, in view of the functional difference it shows in two cultural clusters within the North Asian ethnic group. At some points, close parallels between teknonymic traditions of the northern Athabaskans and some peoples of the Old World are noted, which the author considers as convergent similarities.

К е у о р д с: anthroponymy, personal names, kinship systems, reincarnation, neoteronymy, geraiteronymy, teknonymy, pseudo-teknonymy, Athabaskans, Na-Dene.

- Bishop, C., & Krech, S. (1980). Matriorganization: The Basis of Aboriginal Subarctic Social Organization. *Arctic Anthropology*, 17(2), 34–45.
- Bromberger, Ch. (2012). K antropologicheskomu analizu antroponimov [To Anthropological Analysis of Anthroponyms]. *Voprosy onomastiki*, 1, 116–145.
- Dzibel, G. V. (2001). *Fenomen rodstva: prolegomeny k ideneticheskoi teorii* [The Phenomenon of Kinship: Prolegomena to an Idenetic Theory]. St Petersburg: MAE RAN.
- Evans-Pritchard, E. (2003). *Istoriia antropologicheskoi mysli* [The History of Anthropological Thought]. Moscow: Izd-vo RAN.
- Geertz, H., & Geertz, C. (1968). Teknonymy in Bali: Parenthood, Age-grading and Genealogical Amnesia. In P. Bohannan, & J. Middleton (Ed.), *Marriage, Family, and Residence* (pp. 355–376). New York: The Natural History Press.
- Grinev, A. V. (1990). Lichnye imena indeitsev tlinkitov [Tlingit Indians Personal Names]. *Sovetskaia etnografiia*, 5, 132–141.
- Helm, J. (1965). Bilaterality in the Socio-Territorial Organization of the Arctic Drainage Dene. *Ethnology*, 4(4), 361–385.
- Litvinova, L. (2011). Sistema i terminy rodstva khausa [Kinship System and Terms in the Hausa Language]. In N. A. Zherlitsyna (Ed.), *Afrika v global'nom mire: proshloe, nastoiashchee i budushchee: materialy X Shkoly molodykh afrikanistov Rossii* [Africa in the Global World: Past, Present and Future: Collected Papers of the 10th School of Young Africanists of Russia] (p. 172). Moscow: In-t Afriki RAN.
- Moore, P. (2007). Negotiated Identities: The Evolution of Dene Tha and Kaska Personal Naming Systems. *Anthropological Linguistics*, 49(3/4), 283–307.
- Perry, R. J. (1989). Matrilineal Descent in a Hunting Context: The Athapaskan Case. *Ethnology*, 28(1), 33–51.
- Sapir, E. (1924). Personal Names among the Sarcee Indians. *American Anthropologist*, 26(1), 108–119.
- Savishinsky, J. S. (1971). The Dog and the Hare: Canine Culture in an Athapaskan Band. In A. McFadyen Clark (Ed.), *Proceedings: Northern Athapaskan Conference* (Vol. 2, pp. 642–515). Ottawa: National Museums of Canada.
- Slobodin, R. (1994). Kutchin Concepts of reincarnation. In A. Mills, & R. Slobodin (Ed.), *Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief Among North American Indians and Inuit* (pp. 136–155). Toronto: Toronto Press.
- Tylor, E. B. (1889). On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 18, 245–269.

Received on 1 April 2019